

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Романова Е.Н., Покатилова Н.В. — Понятие «культуры» в научной биографии репрессированного ученого Г. В. Ксенофонтова в период советского нациестроительства // Человек и культура. – 2023. – № 3. – С. 50 - 59. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40699 EDN: SFJCOF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40699

Понятие «культуры» в научной биографии репрессированного ученого Г. В. Ксенофонтова в период советского нациестроительства

Романова Екатерина Назаровна

ORCID: 0000-0001-6973-0608

доктор исторических наук

главный научный сотрудник отдела археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

677027, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, оф. 305

✉ e_romanova@mail.ru

Покатилова Надежда Володаровна

ORCID: 0000-0002-2869-1400

доктор филологических наук

главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук – Федеральный исследовательский Центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

677027, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1

✉ pnv_ysu@mail.ru

[Статья из рубрики "Историческая культурология и история культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.3.40699

EDN:

SFJCOF

Дата направления статьи в редакцию:

10-05-2023

Дата публикации:

19-05-2023

Аннотация: В изучении персональной истории репрессированной интеллигенции Якутии

имя выдающегося ученого и общественно-политического деятеля Гавриила Васильевича Ксенофонтова (1888–1938) занимает особое место не только в силу трагичности его личной судьбы, но и актуализации и значимости на современном этапе его наиболее концептуальных идей, обладающих, как и их автор, собственной научной судьбой. Впервые исследования подобного типа стали возможными, благодаря, с одной стороны, бесценному пласту архивных источников, выявленных в рукописном наследии Г. В. Ксенофонтова, с другой – методологии комплексного изучения биографического нарратива в интеллектуальной традиции первых якутских ученых-гуманитариев в рамках современных подходов интеллектуальной истории. Впервые в неопубликованном рукописном наследии Г. В. Ксенофонтова выделяется особенный круг представлений, наиболее показательных в аспекте формирования его целостной интеллектуальной программы. В своих научных записях 1934–1937 гг. Г. В. Ксенофонтов все чаще обращается к многоаспектному понятию «культуры», воспринимаемой в целом в качестве сложного механизма комплексного продуцирующего начала, связанного с этнической идентичностью и национальным самосознанием. В этой связи в высказываниях и исследованиях ученого последних лет наблюдается устойчивый интерес к методологическим исканиям и концептуальной основе смежных гуманитарных дисциплин. На их обзоре и обосновании в широком контексте представлений Г. В. Ксенофонтова о «культуре», причин их появления в его научном инструментарии остановимся в настоящей работе, что определило предмет и цель исследования.

Ключевые слова:

интеллектуал-реформатор, евразийство, кочевая культура, устная культура, поэтическая функция, историческая память, интеллектуальная традиция, язык и культура, диалог культур, национальный институт

Результаты исследования выполнены в рамках проекта РНФ 22-28-20325 «Антропология холодного мира: креативные стратегии в формировании позитивной северной идентичности (ландшафт и художественные практики)» с использованием оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН, приобретенного в рамках гранта ЦКП 21.0016. №13

Интеллектуальная история сибирской провинции является частью фундаментального проекта новой культурной и интеллектуальной истории России. Сегодня изучение биографики и интерпретации «авторских» текстов научной и творческой деятельности основателей-интеллектуалов национальных регионов становится общеметодологическим пространством для исследований в области ландшафта «идей и действий» [\[6, с. 29-37; 13, с. 87-90; 17, с. 12-22; 18, с. 101-108\]](#).

Характеристика научного творчества Г. В. Ксенофонтова в рамках биографической герменевтики позволила выявить смысловую цельность его научной «картины мира», основанной на интеллектуальных традициях русских ориенталистов. Анализ архивных материалов Иркутского университета в 1920-е гг. показал, что складывание оригинального «авторского стиля» в работах Г. В. Ксенофонтова сопряжено с «иркутским» периодом, где он проходил обучение на курсах востоковедов факультета общественных наук Иркутского университета [\[19, с. 78\]](#). Впервые подробно были изучены программы и курсы лекций отделения востоковедов, выявлены интеллектуальные коммуникации с иркутскими востоковедами (Б.Э. Петри – археолог, заведующий курсами восточных языков, Ц. Ж. Жамцарано – один из основателей государственности монгол и

бурят, заведующий Монгольским кабинетом, Г. Ц. Цыбиковым). Богатейшее рукописное наследие ученого-этнографа Г. В. Ксенофонтова изучалось в контексте кросс-культурных и сравнительных характеристик, где оптика исследователя была направлена на разработку теоретических аспектов мировой и локальной культуры. Осмысление этногенеза и культурогенеза народа саха в контексте глобальной истории Центральной Азии демонстрирует широкую исследовательскую перспективу ученого, вписавшего в орбиту евразийского мира историю якутов. *«...Материалы по древней культуре якутов являются совершенно новой и довольно богатой категорией научных источников по ориенталистике вообще, которые в дальнейшем, несомненно, сыграют очень большую роль в деле изучения культурной истории всех пастушеских народов Центральной Евразии. Их исключительная ценность обуславливается тем обстоятельством, что якуты не попали в сильнейший водоворот исторических событий, сопровождавших образование империи Чингис-Хана. В эту эпоху почти до основания разрушилась самобытная пастушеская культура степных народов турецкого происхождения, которая складывалась в течение многих тысяч лет внутри монгольских степей в процессе постоянного взаимодействия с оседлой китайской цивилизацией»* [19, с. 95]. Эти воззрения ученого нашли отражение в его трудах «Ураангхай-сахалар» (1937) и «Эллэйада» (1977) [10; 11]. Написанные в русле исторической памяти, они актуализировали культурные метафоры Юга (бытийный код, ментальная программа). Так, по мнению ученого, пастушеская сага северных всадников сохранила в большей степени пережитки древних кочевников, чем все другие тюрки и монголы, оказавшиеся под влиянием мусульманской или буддийской культуры и религии. Научные идеи Ксенофонтова находят много общего с концепцией Г. В. Вернадского, где основное место занимает тезис об определяющем влиянии географической среды на историческое развитие проживающих в ней человеческих обществ. Г. В. Ксенофонов в своих исследованиях приходит к важному выводу, что историю двигают «сценарии» завоевания, миграции, смешения народов и культур.

Целостный анализ неопубликованных материалов Г. В. Ксенофонтова позволяет выявить евразийский контекст его научного наследия и отчетливо выраженную постколониальную направленность научного дискурса в его поздних исследованиях [9; 1; 3].

Ученый впервые предпринял попытку опровергнуть устоявшиеся европоцентристские взгляды при описании сибирских народов в дореволюционной историографии и актуализировать культурное наследие кочевых народов в рамках цивилизационного диалога. Научное наследие ученого, рассмотренное в русле евразийского движения в отечественной этнографической науке 1920—1930-х гг. позволяет проследить формирование его авторской концепции степной кочевой культуры, центральное место, в которой занимает историческое осмысление мировой истории кочевых народов, где культуре кочевников отводится роль «локомотива» развития человеческой цивилизации [20, с. 21-22].

Центральным концептом научной картины мира Г. В. Ксенофонтова представляется понятие «культуры», манифестируемое им в различных его проявлениях. Рукописное наследие Г. В. Ксенофонтова, помимо этнологической и культурологической значимости, может быть проанализировано и в аспекте филологической проблематики, ставшей особенно актуальной для него в 1930-е гг., в том числе и для его концепции «степной культуры Евразии». В качестве точки отсчета следует рассматривать отношение к «устной традиции» («устной культуре», по Ксенофонову), наиболее актуальное в периоды смены парадигм, каким предстает слом между концом 1920-х и началом 1930-х гг. XX в. в

якутской словесности и культуре в целом. Понятие «устной культуры» Г. В. Ксенофонтова, как особого типа «культуры бесписьменного народа», изначально включала в себя представление об определенной целостности особенного «устного» порядка, как ключевого механизма передачи и сохранения, опирающегося на память ее носителей. В полевых исследованиях 1920-х гг. шаманской традиции, сохранившейся в «северных» районах Якутии, уже постулируется Г. В. Ксенофонтовым мифоритуальная целостность устной культуры. В этой связи поиски якутским ученым ее, безусловно, комплексных механизмов функционирования в какой-то мере сродни типологическим поискам М. Пэрри и А. Лорда в области особенного, «формульного», языка «устной традиции» [\[12, с. 42-83\]](#).

Концепция «устной культуры» Г. В. Ксенофонтова получила развитие в его последующих исследованиях 1930-х гг. в широком междисциплинарном и культурологическом контексте. Здесь она уже охватывает широкий и многоаспектный комплекс представлений о традиционной культуре *разных* народов, о сохранении якутским этносом «древней степной культуры» в «северных» условиях, о чем свидетельствуют вместе с тем не только факты этногенеза народа саха, но и ареальная локализация эпического жанра олонхо и повествовательных, прежде всего, жанров (цикл преданий об Эллье и Омогое) на «северной» периферии Якутии и на Северо-Востоке Сибири в целом. Особый интерес вызывает здесь не столько значительное расширение фактологического материала, сколько глубина раздумий и типологических параллелей ученого о сменяемости «бесписьменного» и «письменного» периодов цивилизации; о синкретическом единстве шаманской и поэтической традиций (и «практик», в том числе), их общих истоков в традиционной культуре; о глобальной оппозиции «устной» и «письменной» традиций, об особенностях формирующейся письменной (в широком понимании) культуры в якутской словесности; о соотношении традиционной словесности с современной «поэзией», в широком значении как литературы вообще (причем якутской и русской).

Обращает на себя внимание развернутость ученого к современной проблематике, приобретающая на этом этапе типологическую направленность и вполне определенный методологический смысл. Показателен в этом плане анализ Г. В. Ксенофонтовым знаковых текстов двух разных традиций: «Медный всадник» А. С. Пушкина и «Красный Шаман» П. А. Ойунского [\[14, с. 101-106\]](#). Первому из них посвящена его специальная работа «К вопросу о символах «Медного всадника» А.С. Пушкина» второе произведение представлено в его рукописях блестящим анализом мифологической семантики и поэтической формы ее выражения в национальной традиции [\[4\]](#). Размышления ученого по поводу этого произведения вполне закономерно переходят в область принципиального разграничения «мифологического материала» и возможностей его «поэтического» претворения, то, что сейчас мы бы назвали соотношением «текста» и «денотата». Однако поразительно то, что общим и в том, и в другом случае остается требование «эстетизма», характерного в первую очередь для поэта, но немаловажного и для ученого в постижении им сути исследуемых закономерностей [\[2, л. 47-48\]](#). Следует отметить, что детально проанализированные «этнографом» Ксенофонтовым произведения, тщательно отобраны по принципу поэтической значимости, определяющей их знаковую сущность. Параллельно с разработкой проблем этногенеза, фактически на полях черновой рукописи по Эллэаде, Г. В. Ксенофонов пишет упомянутую работу о «Медном всаднике» А. С. Пушкина». Само представление о символическом тексте традиции разрабатывается ученым не только на «родном» материале («Эллеевский миф»), но и на типологически сходном, но принципиально «другом», иноязычном, материале и, методами *другой* гуманитарной дисциплины.

Одной из форм выражения эстетического (скрытого «эстетизма») в текстах культуры является поэтическая функциональность, при этом для Г. В. Ксенофонтова нерелевантна природа этого текста (будь то мифоритуальный, фольклорный или литературный текст), определяющим в нем становится поэтическое совершенство формы, выделяющее его в качестве текста культурной традиции определенной территории, в его неперменной географической и исторической локализации («Илиада» Гомера в «средиземноморской культуре», устный богатырский эпос в «степной культуре Евразии» и др.).

Реконструктивную нацеленность исследователя по вопросам этногенеза и широкого понимания «степной культуры Евразии» следует обозначить как движение в сторону поисков соответствующих форм выражения не дискретного, по своей сути, развития. На материале «поздних» записей ученого вполне возможно выдвинуть предположение о том, что для якутского ученого системность любого порядка определяется наличием глубинной структуры в самом предмете исследования [\[7, с. 21; 8, с. 321-322\]](#). Его многочисленные записи этого времени свидетельствуют о том, что от вопросов научного описания отдельной культурной традиции он переходит к постановке проблем типологического характера: раскрытия закономерностей культурного развития путем выявления форм его выражения.

Подобное понимание *текста культуры и поэтического начала* в нем может восходить к евразийским представлениям о «языковом союзе» и особенно о «союзе языковых семейств», имеющем территориальную обусловленность, в работах Н.С. Трубецкого [\[21, с. 494, 500-501, 503, 512\]](#), а также к «поэтической функциональности» в ранних работах Е. Д. Поливанова и к «поэтической функции» в позднейших работах Р. О. Якобсона [\[15, с. 96-118; 16, с. 295-305; 22, с. 234, 252\]](#). У нас нет свидетельств знакомства якутского ученого с трудами евразийцев, однако их идеи и труды Пражского лингвистического кружка могли быть известны через посредничество работ отечественного ОПОЯЗа. По крайней мере, в работе Г. В. Ксенофонтова о «Медном всаднике» и в ряде его набросков по *метрике стиха*, включающем в себя параллели типологического плана между славянским (русским) и тюркским (якутским) стихом, встречаются упоминания стиховедческих работ Б. В. Томашевского. По всей вероятности, не случайно и не без влияния современных ему опоязовских работ в записях Г. В. Ксенофонтова последних лет появляется филологически (в том числе и стиховедчески) обоснованный акцент на просодических закономерностях стиха, когда специфика якутского (и шире – тюркского) стиха связывается не с ударностью и безударностью, а с «первичной долготой гласных», отсутствием в традиционном стихе рифмы как таковой, компенсируемой созвучиями принципиально другой этиологии (аллитерация, ассонансы и другие приемы звуковой «поэтической техники»), что, кстати, восходит к работам другого «опоязовца», а затем и «пражца», представителя Пражского лингвистического кружка рубежа 1920-1930-х гг. – лингвиста – востоковеда Е. Д. Поливанова, чьи труды и научные идеи в свою очередь оказали существенное влияние на якутского лингвиста С. А. Новгородова и разработку им массовой якутской письменности.

В этом же контексте совершенно иначе предстает «старая» полемика Г. В. Ксенофонтова с Э. К. Пекарским, автором словаря якутского языка и серии издания «образцов» народной словесности якутов, по поводу издания памятников эпической традиции олонхо. К ней еще раз возвращается ученый в одном из частных, казалось бы, моментов, как оппозиция «стих» и «проза» при издании памятников эпической традиции, причем, как выясняется в конкретном случае, в целях публикации как якутского, так и бурятского эпоса. В полемике с Э. К. Пекарским исследователь, возражая против

сплошной «прозаической» публикации эпоса, акцентирует свое понимание стихотворной (как правило, поющей) речи, выработанной в результате многовекового развития устной словесности и представляющей аккумуляцию ритмических повторов, глубинной симметрии, лежащей в основе устной традиции. Именно эта стиховая («метрическая», по Б. В. Томашевскому и Е. Д. Поливанову) в своей основе форма исполнения является, по его представлениям, показателем поэтического совершенства устного текста. Основным аргументом Г. В. Ксенофонтова в пользу неизученности стихотворной специфики эпоса становится отсылка к тому, что изучение этой проблемы «отстает от общего, блестящего уровня научной якутологии». Имея ввиду длительную лингвистическую традицию изучения якутского языка, начиная от трудов санскритолога О. Н. Бётлингга, на работах которого выросло не одно поколение лингвистов, в том числе якутских (в то время это были С. А. Новгородов и Г. В. Баишев) [\[5, л. 212-214 об.\]](#).

Наличие в рукописном наследии Г. В. Ксенофонтова филологической составляющей свидетельствует о том, что и она в свою очередь оказывается подключенной к его целостной концептуальности типологического плана. Обозначенный слой научной проблематики следует рассматривать в качестве одного из вариантов категоризации на этом этапе понятия «культуры», а его понимание «устной культуры» как одного из возможных путей междисциплинарного измерения гуманитарной науки в ее движении к созданию «типологии культур».

Общая картина интеллектуальных поисков этого времени была бы неполной без определяющего лидерского влияния Г. В. Ксенофонтова как ученого. Именно его представления о «культуре» (в широком понимании) и языке как «языке культуры» оказали очень сильное влияние, прежде всего, на П. А. Ойунского и его последователей по созданию организационной системы полевых и научных исследований на Северо-Востоке России. Следы этого влияния обнаруживаются в концепции, создаваемого в 1934–1935 гг. Института языка и культуры при Совнарком ЯАССР, и даже в литературных произведениях П.А. Ойунского этого периода, когда в ряде его текстов, появившихся в контексте общего поворота писателя от поэзии к прозе в 1930-е гг., намечается иное, расширительное толкование «культуры», как особого, цивилизационного механизма интеграции в мировой литературный процесс и/или мировую культуру. Тем самым в научных разработках Г. В. Ксенофонтова в 1930-е гг. предстает широта охвата исследователем различных категорий «культуры»: от понятия типа культуры («степная культура», «средиземноморская культура» и др.) до концепции создания «Института языка и культуры». Принципы категоризации при этом распространяются и на экзистенциальную составляющую научной концепции, и на практическое применение результатов научных разысканий в языковом и культурном строительстве 1930-х гг.

На раннем этапе становления (1934-1935) именно идеи ученого-энциклопедиста Г. В. Ксенофонтова оказали влияние на концепцию Института языка и культуры, определившую направленность его исследовательской и экспедиционной работы, кадровый состав первых сотрудников Института под руководством директора-организатора П. А. Ойунского. Исследования показывают, что под влиянием концепции «устной культуры» Г. В. Ксенофонтова, как определенной и специфической целостности, требующей особенного комплексного подхода к традиции, формируются представления участников первого экспедиционного проекта (Вилуйской экспедиции) Института языка и культуры – А. А. Саввина и С. И. Боло.

Одним из аспектов влияния Г. В. Ксенофонтова на интеллектуальную традицию своих

последователей является формирующаяся в эти годы не только «практика», но и своего рода «теория» фольклорного собирательства, наличие, как правило, собственно теоретических аспектов в практике полевых исследований, что отразилось на результатах уже первой Вилюйской экспедиции и было продолжено в ходе второй Северной экспедиции А. А. Саввина и С. И. Боло по «северным» районам республики. Результаты уже первой экспедиции 1938 г. превзошли все ожидания в том плане, что впервые по коллекции собранных артефактов было получено на фольклорном материале подтверждение гипотетическим предположениям Г. В. Ксенофонтова о целостной картине мифоритуального и жанрового развития в отдельном геокультурном локусе. Синхронный срез «вилюйской» традиции, осуществленный А. А. Саввиным, позволил выделить те процессы консервации «общаякутского» сюжетно-мотивного фонда (в преданиях, эпосе и малых жанрах) в условиях вилюйского региона и в замкнутом локальном пространстве отдельных эпических очагов, которые были предсказаны Г. В. Ксенофонтовым в 1920-х годах. Фольклорные материалы А. А. Саввина и С. И. Боло не только в принципе подтверждают предположения его выдающегося предшественника, но и оказываются задействованными, как показывает современный анализ, в самой логике консервации и изменений традиционной культуры в целом.

Заключение. Г. В. Ксенофонтов в своем типологическом понимании культуры предстает как исследователь широкого, культурологического плана, ученым-энциклопедистом, открывшим еще в 1930-е гг. новые пути в формировании междисциплинарного дискурса современной гуманитарной науки. Ученый задает новый вектор исследований по кочевничеству: степная культура является преемницей древней цивилизации, некогда процветавшей на территории стран Переднего Востока и Северного Китая с монголо-маньчжурскими степями. Он выделяет следующие культурные параметры исторического прошлого:

- Общий культурный фонд кочевых народов Евразии
- Диалог культур
- Памятники-тексты прошлых эпох

Системный анализ исследовательских работ ученого обнаружил общность научной тематики и близость идей: этногенез, фольклор, культура, шаманизм якутского народа, актуализация исторической памяти, идея существования у якутов древней южной прародины. В этой связи определена роль Г. В. Ксенофонтова в создании совместного интеллектуального проекта по организации Института языка и культуры как важного механизма сохранения, репродукции и воспроизводства национальной идентичности.

В биографическом нарративе Г. В. Ксенофонтова помимо известных по его научной деятельности предшествующих этапов: томский период («областнический»), иркутский («научный», или «полевой»), якутский («автономистский»), следует выделить последний период в его деятельности: интеллектуально-проектный («евразийский»).

Библиография

1. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Д.57. Ксенофонтов Г.В. Заметки об исчезнувшей культуре степей (Среднеазиатская степная культура). 1937г. На 45 лл.
2. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Д.86. Наброски: «Предисловие к «Эллэаде», о «Красном шамане» П.А. Ойунского и о термине «Илбись». Автограф. На 53 лл.
3. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Д.119. Ксенофонтов Г.В. Научное значение якутской культуры. Архаичность якутской культуры. Незаконченные наброски. 1937г. На 21

лл.

4. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Д.121. Материалы и исследования о «Медном всаднике» А.С. Пушкина. Оригинал. Гранки критики. 1935 г. На 228 лл.
5. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Д. 1256. Смесь о работах дореволюционных исследователей Якутии. На 52 лл.
6. Батыгин Г.С. Власть и интеллектуалы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. №3. С. 29–37.
7. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М.: Языки славянских культур, 2004.
8. Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. V. Мифология и фольклор. М.: Знак, 2009.
9. Ксенофонтов Г.В. Культ сумасшествия в Урало-Алтайском шаманизме: (к вопр. об «Об умирающем и воскресающем боге») / предисл. А.П. Окладникова. Иркутск, 1929.
10. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Иркутск.: ОГИЗ-Востоносибирское обл. изд-во, 1937.
11. Ксенофонтов Г.В. Эллейада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977.
12. Лорд А.Б. Сказитель / Перев. с англ. и комм. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М.: Восточная литература, 1994.
13. Ноздринов В.В. Перспективы интеллектуальной истории в рамках новых направлений историографии // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 87–90
14. Покатилова Н.В. Г.В. Ксенофонтов о поэзии: Новое в оценке творческого наследия ученого // История XX века: Якутия в контексте всемирной истории. Якутск, 2001. С. 101–106.
15. Поливанов Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники (1937 г.) // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 96–118
16. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Восточная литература, 1968.
17. Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX-XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. №1. С. 12–22.
18. Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. Вып.32. Бенджамин Франклин и Россия. К 300-летию со дня рождения. Часть 2. Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб., 2006. С. 101–108.
19. Романова Е.Н. Г.В. Ксенофонтов: миф о странствующем герое // Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред.: Д. Д. Тумаркин. Т-2. – М.: Вост. лит., 2003. С. 78–104.
20. Романова Е. Н., Степанова Л. Б. «Sine ira, et studio»: Гавриил Ксенофонтов и проблема кочевничества Евразии: неопубликованные заметки этнографа // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2018. №1. С. 19–25. DOI-10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.002.
21. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987.
22. Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение. М.: Языки славянских культур, 2011.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Понятие «культуры» в научной биографике репрессированного ученого Г. В. Ксенофонтова в период советского нациестроительства»

Предмет исследования обозначен в заглавии статьи и разъяснен в тексте статьи

Методология исследования базируется на принципах объективности, историзма и многофакторного подхода к истории, отводящих первостепенную роль человеческому, духовно-нравственному и интеллектуальному факторам в историческом процессе. В качестве исследовательских средств применены историко-генетический и компаративный методы. Факты и события рассматриваются в проблемно-хронологическом плане.

Актуальность исследования обусловлена тем, что отмечает автор статьи, что «изучение биографии и интерпретации «авторских» текстов научной и творческой деятельности основателей-интеллектуалов национальных регионов становится общеметодологическим пространством для исследований в области ландшафта «идей и действий». Г.В. Ксенофонтов один из первых исследователей истории, этнографии и фольклора якутов, а также эвенков и бурят, в конце 1930-х годов был репрессирован и потому его имя долгое время было фактически предано забвению, лишь в 1990-ые годы появились работы, в которых делалась попытка анализа его деятельности и его работ по этнографии народов Сибири. Актуальность исследуемой темы не вызывает сомнений.

Научная новизна статьи определяется тем, что в статье впервые сделана попытка провести комплексный и всесторонний анализ понятия «культура» в трудах Г.В. Ксенофонтова. Новизна работы определяется также тем, что в статье автор показывает вклад Г.В. Ксенофонтова в изучение традиционной культуры народов Сибири, проблем этногенеза в рамках евразийской цивилизации. Научная новизна работы также определяется комплексным и многофакторным подходом автора к изучению творчества Г.В. Ксенофонтова.

Стиль работы академический, ясный и четкий язык. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования и состоит из двух частей – текста статьи и заключения. В начале статьи автор пишет о значимости работ Г.В. Ксенофонтова, раскрывает вехи его биографии (томский период («областнический»), иркутский («научный», или «полевой»), якутский («автономистский»), анализирует его картину мира. Отмечает, что «рукописное наследие Г. В. Ксенофонтова, помимо этнологической и культурологической значимости, может быть проанализировано и в аспекте филологической проблематики, ставшей особенно актуальной для него в 1930-е гг., в том числе и для его концепции «степной культуры Евразии» (его авторской концепции, позволившее опровергнуть устоявшуюся евроцентристские взгляды на культуру народов Севера). Автор в хронологическом порядке исследует творчество Г.В. Ксенофонтова, что дает возможность показать эволюцию его взглядов и раскрыть выдвигаемые им концепции. В статье особое внимание уделено его концепции «устной культуры». В заключении статьи представлены выводы автора по исследуемой теме. Выводы автора объективны и вытекают из проделанной автором глубокого и качественного анализа творчества Г.В. Ксенофонтова, его картины мира, концепции «степной культуры Евразии», концепции «устной культуры» и т.д. Содержание статьи соответствует названию, в статье есть много интересным фактов и материалов, характеризующих взгляды ученого и определяющие его место в интеллектуальной истории России.

Библиография статьи показывает, что автор статьи блестяще разбирается в исследуемой и смежных темах и это результат налицо – рецензируемая статья. Автор опирается на труды предшественников и на архивные материалы, касающиеся творчества Г.В.

Ксенофонтова (архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Д.57. Ксенофонов Г.В. Заметки об исчезнувшей культуре степей (Среднеазиатская степная культура). 1937 г.; Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Д.121. Материалы и исследования о «Медном всаднике» А.С. Пушкина. Оригинал. Гранки критики. 1935 г.; Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.1. Д.119 Ксенофонов Г.В. Научное значение якутской культуры. Архаичность якутской культуры. Незаконченные наброски. 1937 и др.).

Апелляция к оппонентам проведена на достойном уровне, и она проявляется в библиографии, проделанной автором работе, выводах и в библиографии.

Статья написана на актуальную и интересную тему, имеет признаки новизны и несомненно она вызовет интерес специалистов историков, культурологов, философов и филологов.